

Люк стоял в трюме Ярости, частичная энергия направлялась в изуродованные системы Разрушителя с помощью передовых военных мейнфреймов, доставленных с Бесподобного и подключенных к оставшимся системам Ярости с помощью миль новых кабелей, которые беспорядочно проложены по открытым коридорам, обеспечивая базовую жизнь -опорные и энергоемкие щиты.

За пределами ангара была только что видна огромная масса Несравненного, отбрасывающая длинные тени на Диктат Эсминца Центрального флота, который должен был сопровождать поврежденную Фьюри, пока ее не взяли на буксир. Ремонт исчислялся месяцами, причем двусмысленными.

Ярость всегда путешествовала с Бесподобным в качестве запасной поддержки, настолько, что экипаж Бесподобного прозвал ее «Младшей сестрой», к добродушному негодованию команды Ярости. В тусклом свете кормовой отсек «Ярости» представлял собой сцену разрушений, солдаты Империи и повстанцев все еще лежали на полу в том месте, где они упали, лужи крови почти черные в тусклом свете, их блестящие отражения выделялись белым сиянием. к краю недавно созданного атмосферного щита трюма и тусклому отблеску звезд за его пределами.

Пулеметчики устроили адский беспорядок. Нахмурившись, Люк присел перед ближайшим трупом, склонив голову набок и изучая стеклянные глаза повстанца в летном костюме, тупо смотрящего в бесконечность, абсолютно неподвижного. Он хорошо помнил, когда на нем был такой похожий на него летный костюм; когда он был командующим в Альянсе ... и когда он отвечал за написание этого письма - того, которое начиналось со слов: «Уважаемый сэр, мне очень жаль, что я должен сообщить вам ...» Он всегда писал их, независимо от того, можно ли их посылать или нет. Насколько он помнил, он написал очень многие из них. Он все еще смотрел на мертвеца, когда Мара подошла к нему, на мгновение взглянув на повстанца, прежде чем оглянуться назад, глядя на разрушенный Разрушитель.

«Назови меня циником, но я не думаю, что вы вернете свой депозит на этом». Люк ничего не сказал; совсем не узнал ее, его голова все еще была набок, глаза смотрели на безжизненного Мятельника, на темную стеклянную лужу, которая просачивалась вокруг него, образуя идеальные прямые углы по краям, когда она направлялась вдоль изрезанного углы серой палубы. Люк бесстрастно подумал, что это так легко мог быть он, когда был пилотом повстанцев; сто раз больше. Почему он выжил, но этот человек умер - что бы изменилось в галактике, если бы их судьбы перевернулись? Мара продолжила, не замечая его отвлеченности: «Вся команда находится на борту «Несравненного», а пленники переведены».

"Целевая группа повстанцев с уровня задержания?" - отдаленно спросил Люк, не вставая и не поднимая глаз.

"На борту." - подтвердила Мара, взглянув на инвентарь на авто памяти, которую она несла, с легким любопытством, зачем ему это проверять. «Грузовые корабли Аттин'Чо и Карде?» - подсказал Люк, двигая ее мысли.

«Дрейфовать».

«Получите «блокировку трактора на Аттин'Чо; переведите ее в трюм Несравненного». Мара хотела спросить об этом, но что-то в манере Скайуокера заставило ее замолчать, поэтому она просто кивнула, отступила и вытащила свой новый комлинк, чтобы передать приказ. Она взглянула на приближающийся шаттл во время его последнего путешествия между Бесподобным и Яростью, весь другой второстепенный персонал был эвакуирован. Люк остался наблюдать за безопасностью Фурии, просто не желая покидать искалеченное судно, поэтому

Мара, конечно же, осталась с ним. Но теперь они тоже уходили, и ни на минуту раньше; несмотря на аварийное жизнеобеспечение, эсминец уже был достаточно холодным, и она могла видеть, как ее дыхание затановиться паром перед ней, края ближайшего открытого космоса мерцали от начала образования кристаллов льда.

«Мне не будет грустно оставить этот негабаритный гроб». - пробормотала она, только теперь понимая, насколько молчаливым был Люк. Она посмотрела на него, затем снова на труп на палубе, на которого он все еще смотрел.

"Твой друг?" она невозмутимо отзывалась о безжизненном мятежнике, затем замолчала, понимая, о чем она говорит, желая ударить себя рукой.

«Друзья — это непозволительная роскошь».

Он бесстрастно пробормотал; никакого ответа, прежде чем встать и тихо уйти прочь, замкнув, изолированная тень во мраке глубокого холода. . .

Хан пытался прийти в себя, свет был достаточно ярким, чтобы заставить его прищуриться, голова его раскалывалась от усилия, а в ушах доносился звон. Постепенно в его затуманенном уме промелькнули воспоминания - о миссии, о его пленении... Люка. Он перекатился на бок, застонал, осознавая холодный твердый пол под собой, вибрирующий гул воздушного теплообменника, дребезжащий оторвавшиеся плиты палубы.

Пахло чемто затхлым, как будто здесь давно никого не было ... чего никогда не было ни в одной имперской камере заключения. Осознание того, что пронзительные трели не было в его голове, наконец просочилось, вместе со смутным пониманием того, что же это было; Коммуникационные сигналы тоже не были характерны для камер заключения ... Он открыл глаза... и уставился на нижнюю часть стареющего стола для голографических шахмат, установленного в углу потрепанного трюма, окруженного полукругом полуразрушенных сидений для ускорения. "Чел. !!" он выпрямился, отступив на несколько шагов по огромному рулону чего-то на полу, ударился бедром об угол консоли оператора, его рука ухватила за стул. «Что за...» Это был сон? Насколько сильно Люк его нокаутировал? Он откинулся спиной на консоль, его рука проводила линию по пыльной поверхности.

Каждый хлопок, гул и топот были правильными - каждая вибрация дрожала в его ботинках и жужжала прямо в его мозг ... Он был в «Соколе». "Тысячелетний сокол". Он - совершенно никакого понятия не имел - что делать. Его разбитый мозг просто не мог придумать что-то равное в данный момент. Он долго смотрел, ожидая пробуждения. Наконец он пошатнулся вперед, перешагнув через массу огромного рулона на полу, даже не увидев его, потянувшись к покрытому пылью голо-шахматному столу, и по его лицу постепенно расплылась неудержимая улыбка. Он мог бы кричать, кричать и кричать до хрипов ... но в тот момент он просто потянулся к стене и провел пальцами по ней, снова почувствовав ту знакомую вибрацию, от которой его сердце всегда быстро забилося.

"Эй, детка, ты скучала по мне?" Комм по-прежнему требовал внимания, и Хан, пошатываясь, покачнувшись, с головокружением вернулся к операционной консоли и щелкнул переключателем - он был немного липким; ему действительно нужно было это исправить.

«... Судно, это фрегат Альянса

«Арктур»- вы меня слышите? Я еще раз говорю, вы плывете по течению на краю боевой зоны. Вам нужно...»

Хан усмехнулся: «Эй, эй, эй, посмотри, что я нашел!»

По коммуникатору раздался голос Леи, слегка искаженный эхом, слышны ее шок и облегчение.

"Хан ?!" Он так широко улыбался, что щеки у него начинали болеть - две его любимые дамы снова вместе.

«Эй, куколка, не уходи... я имею в виду, высочество. Не вычеркивайте меня из списка обязанностей».

«Хан, как ты... выглядишь неважно. Готовьтесь, мы идем рядом. Мы вас направим».

В своем возбуждении Хан даже не удосужился отказать. Он просто повернулся, чтобы снова увидеть старую птицу.

«Ага...»

Он бредово пробормотал: «Все еще здесь».

Направляясь в кабину, все еще кружась от волнения, гадая, где, черт возьми, он был... где Фьюри; что случилось, Хан снова переступил через огромный брезентовый рулон на полу и прошел три шага по коридору, прежде чем остановился и вернулся, хмурясь. На полу основного трюма лежало что-то похожее на массивный рулон очень старого, застывшего холста, примерно в два раза длиннее, чем Хан был а он высоким, и легко такого же размера, как Чуи, привязанный в центре тесьмой. Нахмурившись, Хан толкнул рулон ногой, но он был достаточно тяжелым, чтобы не двинуться с места. Протянув руку, он взял конец скользящего узла и отступил, освобождая узел. Громоздкий рулон тут же распахнулся, частично развернувшись в огромную жесткую простыню по полу, покрывающую большой трюм от стены до стены. На нем была картина - очень известная картина.

Он изображал ночную битву под звездами какой-то чужой планеты, окрашенный в черный и полуночный синий цвет, с яркими вспышками красного и едкого желтого в темноте. Это была картина, которую Хан хотел взять в качестве расплаты, когда их впервые привезли в Императорский дворец, и он сказал, что останется с Люком. Он отчетливо помнил, как указывал на массивный холст; вспомнил, как Люк соглашался с условием, что он не должен носить его ... Когда он развернулся, небольшой кусок рыхлого флимсипласта был брошен на свободу и легко упал вниз. Хан нащупал его в воздухе и перевернул. Короткое сообщение было написано от руки и без подписи, но Хан узнал письмо Люка. Он просто сказал:. Теперь мы в расчете. Хан ухмыльнулся от уха до уха, затем аккуратно сложил кусок флимсипласта и спрятал в нагрудный карман.

Мара легонько постучала в готовую комнату Несравненного и вошла, не дожидаясь ответа. Скайуокер стоял в дальнем конце, спиной к комнате, расставив ноги, заложив руки за спину, и все еще смотрел на Ярость. Она нахмурилась, все еще не понимая, почему он оставался в таком меланхолическом настроении, когда операция прошла успешно. Да, были неожиданные осложнения, но он взял лидера Восстания под стражу после двух десятилетий охоты Империи на нее, и он сделал это с небольшими силами и минимальным конфликтом или сопутствующим ущербом, что заставило ее захватить это намного более неприятно для Восстания.

Что касается себя, то прямо сейчас Мара почувствовала... что? Плавающий; наполненный уверенностью - уверен, что он приведет их к дальнейшим победам, с каждым днем все больше убеждаясь в своей верности Империи и уверенный в вере Палпатина в него. Она вспомнила,

когда впервые увидела его без сознания в Перлемианских покоях, которые теперь все называют Покоями наследника, и Император сказал, что однажды он возглавит Империю. Вспомнил ее безразличие; ее неубедительное неодобрение. Теперь ... сейчас она просто не могла представить жизнь без него; не хотела.

Она смутно помнила, что он был... серьезным и мрачным; менее стимулирующий, менее возбуждающий. Но тогда, во Дворце, все еще было, она полагала - она всегда предпочитала быть здесь, в галактике... просто сейчас она предпочла быть здесь, в галактике со Скайуокером. С наследником. Это был тернистый путь от той первой опасной встречи до признания Палпатином человека, который однажды станет править Империей, но она все больше и больше верила в его способность сделать все это. Все больше и больше она видела в Скайуокере человека, достойного преемника Палпатина.

У них все еще были разногласия, он и Император, трения, часто граничащие с вопиющим несогласием, и она не ожидала, что это произойдет так скоро. Просматривать Но то, что она когда-то считала упорным упрямым недостатком, теперь она признала частью его силы; его нелегко было запугать или подкупить даже Императору ситхов. В Вейдер ее хозяин всегда стремился создать ученого; верный защитник - в Люке он формировал лидера. Теперь она это видела. Видела уроки, которые он преподавал; различия, но, конечно, со временем; она поверила в это абсолютно сейчас. Мара ни на секунду не могла представить кого-либо еще в роли, которую добился Скайуокер.

Она подозревала, что и Император тоже. Да, она знала, что у Скайуокера все еще есть связи - более вероятно, чем думал Палпатин. Она сыграла догадку и вернулась, чтобы проверить изображения с камер безопасности заключенных, которые были переданы Несравненному из затертой Ярости, и Хан Соло был среди пленников, взятых на борт, и волшебным образом, когда Мара снова проверила менее чем через час назад его больше не было в манифесте.

Что именно Скайуокер сделал с ним, она не знала, но она могла в значительной степени понять более широкую картину - она знала, что Скайуокер хранил грузовое судно кореллианского контрабандиста на складе на борту «Несравненного» примерно через три месяца после того, как он принял командование., и она готова поспорить на годовую зарплату, что его больше нет. Но это была мелочь, неважная в более широком плане; одно из тех причудливых маленьких противоречий, которые сделали его таким интригующим. Люк взял в плен всех ценных людей для своего хозяина; был в этом очень добросовестен. Это было то, что она знала теперь, когда она смотрела на его отражение в высоком смотровом стекле в задней части его дежурной комнаты, Люк оставался неподвижным и молчаливым, погруженный в свои мысли, глядя на огромную тень мертвого Звездного Разрушителя.

Она знала, что это не имеет значения; в его флоте было гораздо больше.. Люк уставился на искаленную Фьюри, погружившись в свои мысли, на мгновение сменив фокус внимания с нее на отражение Мары Джейд в окне обзора, а затем снова на Разрушителя, не говоря ни слова. Ужасно много беспорядка и потерь в этом последнем отчаянном клубке, и нечего показать - с обеих сторон. Но, по крайней мере, он был выбран по собственному желанию. Мог ли он поймать Мадин? Да, легко, когда прибыл Бесподобный, но он приказал им оставить далекий грузовой корабль повстанцев в покое, заявив, что на борту нет никого ценного, и велел своему адмиралу позволить ему вернуться к восстанию с полной историей их поражения и Утрата Мотмы. Правда заключалась в том, что он не был готов рискнуть, что Лея поймает Мадину, и, поскольку они были вместе, если он поймал одного, то поймал и другого. Первое правило собак; никогда не увлекайтесь травкой.

Так что он позволил Мадине уйти; после всего, чем он рискнул, цена была слишком высока - на

этот раз. Какая-то небольшая часть его испытывала искушение сказать Несравненному, чтобы он отключил крохотное грузовое судно повстанцев и намотал его, во-первых, потому что он хотел Мадину, а во-вторых, потому что он хотел подтвердить то, чего хотел его Мастер, с Леей. Но потребовалось бы масштабное редактирование собственных планов Люка, чтобы получить то, что, вероятно, было лишь второстепенным и, теперь, когда он знал, на что она способна, удивительной информации.

Предположительно, его Учитель хотел, чтобы Лея Органа была чувствительной к Силе; он либо хотел обучить ее, либо он хотел убить ее, и ни то, ни другое не способствовало реализации собственных планов Люка. Нет, она нужна ему там, где она сейчас. И ему нужно было, чтобы Хан наблюдал за ней - и, надеюсь, вмешался от имени Люка, когда дело дошло до хруста. Лея была неотъемлемой частью его долгосрочных планов, а Хан... Хан был его страховкой. Это была единственная причина для сегодняшних действий.

Он слегка улыбнулся, от этого шрама на его губах растянулся шрам; и вообще, он не мог представить Хана Соло без «Сокола» - он привел галактику в порядок.. Увидев его легкую улыбку, Мара ответила тем же, обрадовавшись, что ее первоначальное понимание его настроения было неправильным. «Поздравляю». Она сказала; в первый раз она почувствовала себя в безопасности. «Я еще не связывался с Императором. Я думал, вы захотите сами сообщить об этом».

"Нет." Он небрежно ответил, повернувшись, чтобы пройти к своему столу. В ком-то другом она бы сочла это ложным смирением, но в Люке она знала, что это было более расчетливым, чем это; он играл в свои политические игры даже сейчас. «Сделай отчет. Отправь его...» - он сделал паузу, взглянув на нее, не поднимая головы, злобно поддразнивающим голосом, - «... к кому бы ты ни послал эти штуки, о которых я не должен знать». На ее лице появилось равнодушное выражение, голова набок, но ей помешал ответить быстрый стук в дверь.

В ответ Скайуокер из всех сил посмотрел «как удобно» и сказал: «Да». Лейтенант Фаллин, еще один относительно недавно назначенный офицер на мостике, вошел, прочищая горло. «Сэр, все заключенные зарегистрированы и заперты; всего чуть меньше сотни. Мы готовы совершить прыжок, чтобы присоединиться к «Палачу» в Нубии. ШП спрашивают, что делать с ботанским кораблем - Аттином. Чо. " Мара полуобернулась, произнося обычный приказ командира при таких обстоятельствах: «Отпустите его и используйте для стрельбы по мишеням. Пусть артиллеристы...» "Подождите."

Люк вставил: "Он все еще способен поддерживать жизнь?" "Нет, сэр." Фоллин ответил, взглянув на свою автомемуру, в которой явно говорилось о техническом устаревании грузового судна, прежде чем добавить: «Но я думаю, что инженеры могут подготовить его за несколько часов, если вам это потребуется». Мара пристально посмотрела на молодого офицера; такая инициатива больше не была распространена среди его сородичей; в Имперском флоте было принято опускать голову.

Он был еще одной находкой Люка, которую переманили во время урагана ISD несколькими месяцами ранее и получил повышение, чтобы заработать себе место в команде мостика Peerless. Она не преминула заметить недавнюю смену персонала на борту «Бесподобного» - ни малейшее изменение отношения, которое это сопровождало. Теперь это был прагматичный образ мышления; чувство цели, продвижение по службе, зависящее не от того, кого вы знали или где тренировались, а от способностей и отношения, меньшее значение придается соблюдению правил и больше - достижению результатов.

По Мара медленно кивнула, прекрасно осознавая тот факт, что Люк все больше и больше

думает и действует с реальным пониманием своего будущего с Империей - своего возможного положения. Он становился лидером. «Я все устрою». Она просто сказала, поворачиваясь, чтобы уйти. Она была у двери, прежде чем он снова заговорил, переводя ее взгляд на его собственные. "Мара-" У него всегда были такие безупречные небесно-голубые глаза; теперь этот широкий сегмент темно-коричневого цвета оставлял эти идеальные бледно-голубые глаза несовместимыми, так что, когда он смотрел на нее, она часто чувствовала некоторое смутное беспокойство в течение нескольких мгновений, которые она не могла определить, как и сейчас. Тогда она снова заметит темный осколок, заражающий их ... и поймет, что смотрит на нее слишком долго - точно так же, как и сейчас.

Он немного помолчал, и она быстро отвела взгляд, заметив эти несоответствующие глаза с любопытством. Затем он продолжил, снова все по делам, момент сломан. "Лидер ботанов Олин'яа; он остается - я хочу знать, как Восстание получило информацию о Динамическом ЭМИ с ограниченной верфи Инвинсибла и как им удалось получить ресурсы для строительства своего собственного. И я хочу знать, что Восстание намеревалось сделать с ними дело, потому что определено не для этого». Она кивнула и отвернулась, протянув руку к открыванию двери ... «Мара». Его голос мгновенно привел ее в чувство. "Да?" Он снова остановился; «Ты сегодня хорошо поработал. Спасибо».

Она моргнула, не привыкшая к его похвалам, затем пожала плечами: «У нас хорошая команда». Он искренне улыбнулся, от этого действия шрам через его губы превратился в полумесяц. «Да... мы делаем». Он задержал ее взгляд в течение нескольких секунд, прежде чем вернуться к своей работе, и ей оставалось долго смотреть на его темные волосы, прежде чем стереть с лица, вероятно, очень глупую ухмылку, и повернуться, чтобы уйти. . .

Два огромных клиновидных корпуса суперзвездных разрушителей занимали впечатляющую позицию вблизи Нубии, сразу за хорошо пройденными точками пересечения торговых путей Хайдиан и Кореллианский путь. С двумя флагманами было в общей сложности девять звездных разрушителей класса «Имперский», возмутительная демонстрация силы была больше для политического эффекта, чем для защиты заключенного, которого они держали.

Эта внушительная эскадрилья, состоящая из эсминцев Флота Ядра и Кольца, оставалась плотным строем, якобы ожидая подтверждения, чтобы вместе совершить последний этап возвращения на Корусант, синхронизируя системы, чтобы они вышли на орбиту одновременно. По правде говоря, соответствующие адмиралы флота приняли все меры несколько часов назад и просто ждали подтверждения от своих главнокомандующих, которые несколько часов назад разговаривали друг с другом по меж кабельной связи. Флоту было хорошо известно, что у лорда Вейдера и Наследника были натянутые профессиональные отношения, граничащие с враждебностью ... И оба они упорно трудились, чтобы сохранить это восприятие. Наследник продолжал работать в течение смены на борту своего Флагмана, как это было по его привычке, прежде чем вернуться в свои апартаменты, чтобы продолжить работу в своем личном офисе, как это было также его привычкой, Мара и Рис уходили на ночь, когда он это делал.

Так что никто не заметил человека, который ускользнул в точно рассчитанный промежуток между вниманием патрулирующих стражников и линзами наблюдения в коридорах в покоях Наследника, которые всегда случайно указывали неверную сторону в их заранее запрограммированных поисках. Он оставил Peerless на люггере для технического обслуживания, ожидая его в закрытом отсеке, занятом 701-м, и приземлился в стыковочном отсеке «Палача», предназначенном для собственных доверенных войск Вейдера, 501-го. Он вернется тем же путем через несколько часов, и никто не станет мудрее. Он делал это не в первый раз и сомневался, что это будет последний.

Но это имело особое значение, потому что ему нужно было сделать одну остановку, и, хотя все приготовления были сделаны его отцом, на этот раз Люк собирался увидеть не его. . . Мон проснулась в темноте камеры, уставившись на глухую стену перед собой. В течение долгих секунд она лежала неподвижно и слушала, как громко стучит ее сердце ... затем малейшие звуки, проскальзывали во тьме позади нее, покалывая ее позвоночник, когда она извивалась.

Там, присев и присев на пятки, прислонившись спиной к дальней стене, была сгорбленная фигура в темной одежде, которая смотрела на нее светлыми глазами, холодными, как лед во тьме ... "Что ты хочешь?" Она хотела, чтобы это прозвучало строго и бесстрашно, но получилось не более, чем шепотом. «Ничего. Вообще ничего». Он сказал просто, пристально глядя на нее. Мон села, натягивая на нее тонкое одеяло, не зная, что сказать, вся ее решимость растеклась в полумраке. Его глаза не отрывались от нее, лицо не читалось в тусклом свете, и Мон не мог не взглянуть еще раз на глубокий шрам, проходивший по правой стороне лица. Она отвела взгляд, затем заставила себя оглянуться, когда «Вас везут на Корусант для суда». Наконец он сказал безэмоциональным голосом: «Я полагаю, что приговор в значительной степени предreshен».

«Ты для этого здесь? Злорадствовать?» "Нет." он казался странно безмятежным, не поддаваясь ее гневным обвинениям. «Я думал, ты захочешь знать. Никто не должен идти на смерть неподготовленным». Мон почувствовала легкое головокружение, злилась и возмущалась одновременно, ее страсть придавала ей храбрости. "Я тебя не боюсь." Она объявила, и он слегка двинулся, заставляя ее вздрогнуть, несмотря на ее слова. «Да, ты такой.

Ты был бы дураком, если бы не был, и ты никогда не был таким, Мон. Слепой, возможно, желающим быть ведомым». Она нахмурилась, глядя в тень, отказываясь покачать головой. «Я не собираюсь играть в твои словесные игры». Он оставался, сгорбившись, у стены, тень во тьме, его блестящие, как звезды, глаза блеснули. "Нет? Ни разу, ради старины?" Мон всмотрелась в его лицо в сумрачном свете, но там не было ничего, кроме ожидаемого веселья, каких-либо реальных намерений или хорошо скрытых эмоций, мужчины, которого, как она думала, она знала, полностью отверг. "У вас есть что-нибудь, что вы хотите, чтобы я передал?" - наконец спросил он совершенно серьезно. "Кому?" Мон бросил вызов: «Мы почти не движемся в одних и тех же кругах».

Он только пожал плечами, не обижаясь. «Возможно, Альянсу... Лее. Я знаю, насколько ты был с ней близок». Мон вздрогнул от осознания того, что он говорил с ней в прошедшем времени - как будто она уже была мертва. Затем осознание того, что он сказал, заставило ее вздрогнуть подбородок: «Оставь Лею в покое!» Он покачал головой, подняв скрещенные пальцы на свое покрытое шрамами лицо, глубокий разрез на его губах искривился, когда он слегка улыбнулся: «Я не могу этого сделать, понедельник.

Ты начал войну - ты открыл шлюзы». Она покачала головой: «Не вини меня за свое мстительное желание мести». «Мне не нужна дальнейшая месть - счет улажен. И, по правде говоря, это было лишь отчасти; мое желание убрать тебя совпало с твоей атакой. Последнее скрывало первое - купило мне разрешение, которого я иначе никогда бы не получил. " Она неуверенно нахмурилась, и он слегка наклонил голову, мягко бормоча, хотя это никак не ослабило тревогу Мон. «Видишь ли, у меня есть планы ... построить Империю.

Когда все препятствия будут устранены». «Она остановит тебя». Мон сказал о Лее, абсолютно уверен. Он искренне улыбнулся, но скорее в ожидании, чем в согласии. «Возможно. Если кто и может, то это она ... но я так не думаю». «Она знает, кто ты». "Ты тоже, Пн.". он легко сказал: «Но ты все же позволяешь мне вести тебя». Мон уронила голову и потеряла виски. Он дал ей время, не говоря ни слова, пока она пыталась смириться с этим; осознание того, что он пойдет

за другим лидером, затем за другим, затем за другим.

Выследите их; выделите их и отделите от стаи, а затем приблизьтесь для убийства - как всегда утверждал Палпатин волк. И все же он сидел, немой и кроткий, глядя на нее этими странно несовместимыми дикими глазами ... "Почему?" Наконец она пробормотала: «Почему ты нас ненавидишь?» Он только пожал плечами, бесстрастно. «Я не ненавижу тебя, Мон. Но, как я уже сказал, у меня есть планы - и ты был им на пути». Мон с вызовом подняла подбородок: «Как неудобно для тебя». «Да, это было. И я понятия не имел, как с этим бороться, вообще никакого. Пока ты не заставил меня сделать это лично».

«Вы думаете, что удаление меня будет иметь значение, но это не так - совсем нет. Вы только разжигаете огонь. Лея заменит меня. Она возглавит Альянс, когда я уйду». "Почему Лея?" - спросил он с откровенным любопытством. «Она рождена, чтобы вести за собой. Это у нее в крови...» Мон замолчал, не зная, почему это заявление так заинтересовало ситхов. "Почему Лея - почему не Мадин?" «Вы знаете, почему - вы забыли или никогда не слушали?» Сказал Мон, но он промолчал, выжидая... и, несмотря на то что она была хороша, Мон попала на самый старый трюк в книге и продолжала говорить; «Мадин - генерал, и хороший генерал, но он военный, и наша организация не является военной организацией, независимо от того, к чему мы были принуждены.

Военные существуют для того, чтобы поддерживать идеалы Альянса, а не руководить ими. Лея - политический лидер, поэтому она может взять власть ... Мадин никогда не смогла. Но она также прагматик и боец. Она найдет способ вернуть вашу драгоценную Империю ... " Он встал, заставляя Мон замолчать. «Спасибо, Пн.». - сказал он наконец, его тон указывал на то, что разговор в том, что касалось его, окончен. "Какая...?" Мон Мотма неуверенно поднялась.

«Благодарю. Поскольку на этот раз я не поймал Мадина, мне нужно было быть уверенным, что Лея, а не Мадин возьмет на себя командование, прежде чем я смогу двигаться дальше. Кто-то другой потребовал бы редактирования моих планов». Он смотрел на нее долгие секунды, его лицо было странно открытым, но совершенно бесстрастным.

«Мне жаль, что так было, Пн., но выбор был за тобой, а не за мной». Она покачала головой: «Я не жалею о них». "В самом деле?" Он долго смотрел на нее расчетливыми, ищущими глазами... Люк неохотно вздохнул; осознавая, что он должен просто повернуться и уйти... но не может этого сделать. Было ли это для обеспечения его текущих планов или просто для удовлетворения своего любопытства, он не знал, но он хотел, должен был это сделать; сделать это предложение. Если она докажет, что он неправ, и возьмется за дело, он абсолютно не знает, что он будет делать. Но ему еще предстояло это сделать - хотя бы ради угрызений совести.

«Если бы я сказал вам, что могу помочь вам - помочь Альянсу тайно - что может быть способ совместной работы, чтобы ...» Она вызывающе подняла подбородок, отрезая его. «Нам не нужна ваша помощь. Мы можем вести собственные битвы». Его молчание потребовало дальнейших комментариев, и Мон услышала, как ее собственный голос стал жестким, когда она произнесла сквозь стиснутые зубы: «Я не доверяю тебе; и ничто из того, что ты можешь сделать и ничего из того, что ты скажешь, никогда не заставит меня».

Даже к этому он казался странно терпимым. «Нет, я так и думал... но я должен был попробовать». Он оглянулся, его улыбка на мгновение напомнила ей о мальчике-идеалисте, которого она знала... но эта легкая улыбка так легко превратилась в дикую ухмылку: «Пора двигаться дальше ...» И, наконец, как гром из тьмы, Мон Мотма соединил все воедино - его предложение передать любое сообщение Лее, его уверенность в том, что он сможет, его

потребность знать, что Лея станет преемницей Мон ... "Вы в контакте с Леей!" «Среди прочего».

Он позволил, в его голосе не было никакого торжества. «Не волнуйся, Мон; она не предательница. Она еще не знает, что это я». Прежде чем она поняла, что делает, Мон бросился вперед, нанеся сильный удар по лицу. Он поймал ее руку, когда та оставила его, дернув ее вниз, оставив ее беззащитной, его собственное тело напряглось ... Затем он улыбнулся, хотя это никогда не касалось его холодных глаз. «Я дам тебе это, Пн. - возможно, я это заслужил».

Она попыталась вырваться, но он держал ее запястье стальной хваткой. Его взгляд задержался на ней надолго, противоречивые эмоции мелькали в этих тревожных, несовместимых глазах. В конце концов, он пожал плечами, отпуская ее, действие было небрежно пренебрежительным, хотя было что-то - невысказанное извинение в тоне его слов. «Посмотри на это так, пн. - так или иначе, ты выйдешь из этой тюрьмы через несколько дней.

Я отбываю пожизненное заключение». Она нахмурилась, сбита с толку его словами, но все еще произнесла: «Надеюсь, это вечность». «Каждый день, пн.». Повернувшись, чтобы уйти, он заверил: «Каждый божий день» . . . Вейдер знал о приближении своего сына задолго до того, как начались волнения за пределами его кают на борту «Палача» - хотя, возможно, волнение было неправильным словом, сколь бы коротким оно ни было.

В длинном коридоре, который вел к его двери, стояли двое стражников, вход в который был закрыт на ночь, не допуская дальнейших посетителей. Вейдер услышал резкие слова, затем почувствовал кратковременный всплеск Силы, за которым последовала тишина ... Он стоял, ожидая, пока войдет его сын, зная, что чувства мальчиков пылают смятением и гневом. Тяжелая усиленная дверь с силой приоткрылась о собственные засовы, даже не замедляя Люка, когда он ворвался внутрь.

«Однажды ты сказал мне, что я был за пределами Света и Тьмы. Почему ?!» Вейдер сохранял спокойствие перед лицом очевидной пылкости мальчика: «Потому что ты все, чем я когда-то был, но ты не только мой сын. ее. Если бы вы знали ее, вы бы знали это абсолютно. " Люк смотрел безумными глазами и недоверчиво, и Вейдер знал, что этого было недостаточно. «Потому что, если бы Даркнесс могла потребовать тебя, это было бы так давно». "Откуда вы знаете, что это не так?" Это была почти мольба, отчасти отчаяние, отчасти страх.

«Ты не злой». - просто заявил Вейдер. Слышать, просто слышать эти слова, было само по себе облегчением, и чувство и голос Люка успокоились, когда он сделал дрожащий вдох. "Откуда ты знаешь?" - повторил он. «Тьма не спросит», - заверил Вейдер. «Тьме плевать». Люк долго размышлял, бегая глазами по комнате. «Палпатин сказал мне, что я потерялся - он был прав». Вейдер покачал головой: «Вы не заблудились. Вы находите свой путь - находите себя».

Люк прерывисто вздохнул и покачал головой: «Я отдал все, во что верил». "Для чего?" «Для...» Люк запнулся, нахмурившись. «За все, во что вы сейчас верите - за все, что вы знаете». - закончил Вейдер басовым голосом уверенно и уверенно. «Мир никогда не бывает таким простым, как хотелось бы нашему детству - в какой-то момент мы все должны принять эту истину ... мы должны вырасти и оставить невозможные идеалы позади».

Люк взглянул вверх: «Что, если я ошибаюсь? «Пока ты рассматриваешь такую возможность, тогда...» Люк покачал головой, не желая, чтобы его так легко успокаивали: «Нет, это просто слова. Это жизни - люди, я ...»

"Уважение?" - сказал Вейдер, преодолевая сомнение Люка, охваченное чувством вины. «Уважать своих врагов - не слабость». «Она мне не враг». «Она пыталась убить тебя». «Может, она была права». "Тогда почему ты остановил ее?" Вейдер спросил своего сына; не вызов, а искренняя просьба о объяснении. Люк долго размышлял, медленно качая головой. «Потому что я должен был - она и другие, подобные ей, будут просто поддерживать статус-кво.

Война никогда не закончится - старые предрассудки и глубокие раны всегда будут разделять их. Они сражались слишком долго; слишком укоренились, и Палпатин будет всегда использовать это против них. Они потерялись в своих идеалах ". Он долго обдумывал свои слова, ища ответы на поставленные ими вопросы, хотя все, что он нашел, это дополнительные вопросы; «Но это не обязательно делает их неправильными». «Ни ты, чтобы остановить их». Люк вздохнул, снова молча, задумавшись.

Вейдер тоже молчал; теперь он знал, что лучше не давить слишком сильно - мальчик сам сделает выводы; он всегда делал. Это было просто звучание, проверка его точки зрения. Он взглянул на своего отца сейчас, ища подтверждения, когда он говорил. «Палпатин ничем не лучше, его действия только разжигают экстремизм, и он знает об этом - хочет этого. Он никогда не будет вести переговоры, но он никогда не уничтожит их, потому что он не хочет мира, а только возможность осуществить свое превосходство.

Мы никогда не сможем двигаться вперед, пока такие люди держат власть ". «Тогда измени его». Люк отвернулся, зная, куда ведет его отец. Но если бы он сам не подумал об этом - в конце концов, именно поэтому он пошел за Мотмой в первую очередь. Не пора ли наконец признать это вслух? Потому что он не мог сделать это без помощи отца - или, по крайней мере, его добровольного игнорирования действий Люка. Он покачал головой, пока не мог сказать этого вслух: «Если я уберу его, то у того, кто захватит власть, будут свои собственные планы».

«Есть простой способ гарантировать, что планы Императора принадлежат вам». Люк снова покачал головой: «Нет, я не имею права брать власть». «Если вы считаете, что действия Императора неуместны, тогда вам следует остановить его. Разве это не то, что вы всегда намеревались сделать?»

Мальчик оставался в нерешительности, поэтому Вейдер попытался снова: «Вы считаете, что его действия разрушительны - что его следует отстранить от власти». теперь они уже давно прошли мимо увещаний; это не было в их характере, и мальчик достаточно долго танцевал на грани предательства. Люк решительно поднял подбородок.

«Я считаю, что таким людям нет места в новом порядке». «Ваш новый порядок». "Все". Люк уклонился. «Но ты будешь вести его. Потому что никто другой не может». Люк задумался, опустив глаза. «Вы сделаете то, что должно быть сделано». - продолжил Вейдер очень уверенным голосом, подталкивая своего сына, только теперь способного подтолкнуть Люка на путь, который Вейдер выбрал для него четыре года назад - и, конечно же, для него самого. «Вы всегда будете делать что-то в вашей природе, вы будете искать пути, вы найдете путь, и вы будете делать это произойдет, вы. Будете делать это харпен-, что, когда упрямство сила Вы никогда не стесняется. вдали от того, что должно быть сделано ".

Его сын молчал долгие секунды, глядя в пол, пока его мысли неслись; будь он мог, Вейдер задержал бы дыхание в восторженном ожидании. Люк нахмурился, несовпадающие глаза скрылись под задумчивым хмурым взглядом... затем он кивнул; всего один раз, но твердо, решение, наконец, принято, путь, по которому ... для них обоих - вместе. И вот так, одним кивком головы, для Вейдера осуществились четыре года ожидания. «Я буду способствовать миру». - сказал наконец Люк, и в его голосе прозвучал вызов, чтобы отец не согласился с его

конечным намерением. "Ваш мир". - подчеркнул Вейдер.

"Твой путь." " Мой путь". Люк подтвердил, и Вейдер улыбнулся под маской, осознавая важность момента - что это был первый раз, когда они пришли к какому-либо согласию в этом. Что он, наконец, может двигаться вперед со своим сыном рядом с ним. Если мальчику нужно какое-то выдуманное убеждение, чтобы успокоить его совесть, пусть он получит это. Когда у него была власть, когда он понял, что он может сделать - что все предыдущие барьеры были устранены - он пересмотрел свое решение. Но сначала необходимо устранить эти препятствия. "А Император?" Люк долгое время хранил молчание, его лицо и чувства постепенно ожесточались перед ищущим восприятием Вейдера, когда он, наконец, признал необходимую правду. «Он не фигурирует». Люк спокойно ответил: «Во все нет».

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1255373>